

ли. Воцарившись здесь, они восстановили старинные системы ирригации, стали поддерживать ремесленное производство и установили связи с европейскими торговыми компаниями. Государство сделалось процветающим и, претендуя на статус *дхарма-раджи* в государстве *дхармы*, правители начали культивировать санскритские науки и утонченный образ жизни. В частности, в этот период для дам Танджорского двора (в сущности вчерашних *шудр*) была написана знаменитая, единственная в своем роде *дхармашастра* «Стридхармападдхати» (букв. «путеводитель в женской *дхарме*»), составил ее ученый брахман Трьямбака.

Санскритизация этих земледельцев и скотоводов привнесла в индуизм много интересных деталей. Немецкий ученый Г.-Д. Зонтхаймер выполнил замечательное исследование по фольклорным текстам воинственных племен Декана «Пастушеские божества Западной Индии» [Sontheimer 1989]. Представленные в нем факты и обобщения по поводу санскритизации локальных пастушеских культов в Великой традиции индуизма подтверждают высказанные здесь предположения о санскритизации скотоводов засушливых районов по кшатрийскому типу.

Этнокастовые общности лесных охотников и собирателей тропического пояса.

Эта категория очень многочисленна и представлена небольшими общностями во всех регионах страны и на всех уровнях кастовой иерархии. Обратим внимание на некоторые бывшие племена, обладающие характерными чертами ЭКО в особенно яркой, заметной форме. Наиболее интересными с этой точки зрения представляются кастовые общности Кералы.

Керала, узкая прибрежная полоса вдоль Аравийского моря, земля древней самобытной культуры, отделена стеной Западных Гхат от Карнатаки (Майсора) и Тамилнада. Прибрежные поля удобны для выращивания риса, кокосовых пальм и некоторых драгоценных пряностей. В горах живут воинственные *курги* и разные любимые этнографами племена: *тода* (Ṭoḍā), *кадар* (Kādār) и др. Изобилующая природными богатствами Керала с ее удобными морскими гаванями издревле привлекала мореходов и торговцев. Контакты по морю привели к раннему появлению здесь иудейской, христианской и мусульманской общин. Здесь представлены многие этнические общности, которые сохраняют свои добрахманические традиции и самую заметную из них — право-

вое доминирование женщин, матри- и уксорилокальность и матрилинейный счет родства. Вариативность местной культуры впечатляющая, а стратификация по степени культурности детализированная. Поэтому и кастовая организация Кералы не знает себе равных по дробности и сложности состава. В то время как материалы переписи 1901 г. отмечали около 3000 каст для всей Индии, 578 из них локализовались в Керале. Важнейшей особенностью схем общения была здесь так называемая «неприближаемость», или «осквернение тенью». Кроме того, существенным маркером статуса является матрилинейность или патрилинейность «касты» или, точнее, кланов и *джати*. Патрилинейность сообщает кастовой группе высокий санскритский статус. Однако, по местным представлениям, матрилинейность говорит о коренном керальском происхождении, о независимости от брахманов, и ею гордятся.

Этнокастовая общность **наяр–намбудури** (Nāyar–Nambūtirī) во всех отношениях интересна для антропологии. На начальном этапе формирования она представляла собой объединение добрахманических общин охотников и собирателей лесов жаркого пояса, которые встретили санскритизацию в состоянии перехода к земледелию (возделыванию кокосовых пальм и плантационных культур). Чрезвычайно благодатная природа родной Кералы позволила им не только выращивать все необходимое для жизни, но и наладить производство избыточного продукта: риса, пряностей (перец и кардамон), даров леса. Эта индийская экзотика была востребована иноземными торговцами с глубокой древности: морские пути приводили их на Малабар задолго до начала н. э. При переходе к образу жизни земледельцев мужчины-*наяры* стали специализироваться на воинских занятиях, сохранили традицию мужских домов и отдельного от женщин проживания (дислокальные браки); женщины, как это встречается и сегодня, жили крупными матрилокальными общинами *таравад* с детьми, и их общинные дома были расположены среди собственных рисовых полей. Женщины-*наяры* и их наемные работники занимались полями и урожаями, поручив своим мужчинам охранять и приумножать земельные приобретения, а в свободное от этих дел время заниматься боевыми искусствами *калари-паяттам* (kālaripāyattam) под руководством наставников в тренировочных лагерях и традиционных школах военного мастерства. Эта этнокастовая общ-

ность в долгой исторической ретроспективе смогла сохранить за собой племенные территории, несколько расширив их за счет менее воинственных соседей. Судя по всему, они были одной из тех ЭКО Юга, кто сумел отстоять свои интересы и некоторую независимость от брахманского влияния. Дальнейшее социально-экономическое развитие было вполне независимым и даже привело к развитию государственно-управленческих умений *наяров*. В составе наярской общности 131 *джати*, и филиация осуществляется по женской линии. Наярские *джати* и сегодня демонстрируют эталон культуры с правовым доминированием женщин, от которой не отрекаются даже под давлением современного законодательства, и в этом своем качестве не один раз рассмотрены в данной работе.

Интересно обратить внимание на наярский способ именовать себя. Чтобы сделать эту матрилинейную систему более понятной, приведу подробное объяснение специалиста: «У мужчин-наяров четыре имени — его клановое имя (название общины-таравада), наследственное личное имя (то есть личное имя старшего брата матери) — оно теперь заменяется на имя родного отца, данное при рождении личное имя и кастовое название. Например, Вадаккил Нараяна Кришна Куруп. Здесь Нараяна — имя старшего брата матери (после 1950 г. в документах ставится имя отца). Также он может называться Кришна Куруп или В. Н. К. Куруп. Здесь Куруп — название одной из подкаст наяров. Женщина наярка носит три имени, так как в женских именах не упоминается кастовое название. Клановое имя (название таравада) наследуется по материнской линии, и по правилам такого счета родства она получала имя матери перед своим. Еще лет двадцать назад часты были имена типа Вадаккил Лакшми Парвати (где Лакшми имя ее матери). Теперь требуют ставить в документах имя отца (например, Рама), что дает вариант Вадаккил Рама Парвати. Женщины наярки также стали принимать кастовое название мужа в качестве своей, взятой от него фамилии. В таком случае рассматриваемое имя выглядит как Парвати Наяр, или В. Р. Парвати, при этом Парвати — личное имя женщины» [Fuller, 1976: 54].

Брахманы *намбудири* (Nambūtiri) составляют так называемую «гипергамную пару» с *наярами* и обычно считаются завоевателями-поработителями последних, получающими контрибуцию в форме неограниченного сексуального доступа к женщинам наяркам, «имеющим много мужей». На самом деле

наблюдаются обычные для дравидской культурной традиции кросскузенные браки, и доказательства этого представлены в главе 3-й. Комплексное изучение культуры *наяров* и *намбудури* в целом позволяет утверждать, что они составляют единую ЭКО.

Раннее знакомство европейцев с обычаями *наяров* и чрезвычайное внимание науки способствовали тому, что в последние 100–150 лет они рассматриваются как земледельческая и воинская каста, что с точки зрения традиционных представлений невозможно. В действительности в ЭКО *наяр–намбудури* есть воинские *джати самантхан* (Samanthan), *паниккар* (Paṅikkār) и др., брахманы *намбудури*, землевладельцы (несколько *джати*) и представители других профессий, например храмовые служители *амбалаваси* (Ambalavāsi), и все они записаны в реестрах как отдельные касты. *Наярские* армии традиционного типа были распущены после английских завоеваний. Многие стали заниматься выращиванием плантационных культур (это характерно для вчерашних собирателей), другие, в том числе женщины, сосредоточились на получении образования на английском языке, когда оно появилось в начале XIX в., стали учиться в миссионерских школах и приобретать чиновничьи специальности. Многие приняли христианство. Сегодня среди *наяров* много адвокатов, бизнесменов, врачей, преподавателей, общественных деятелей, преуспевающих на государственной службе. В этой среде обычным явлением становятся нуклеарные и даже вирилокальные семьи.

Брахманы-*намбудури* культивируют в своей среде высочайший уровень санскритской образованности и рафинированных бытовых норм, служащих статусными маркерами. Их авторитет в сообществе брахманов очень высок. Та монополия на традиционное образование, которую они установили для себя, сделалась основой их власти в Керале, и, поскольку их *джати* дала Индии великого Шанкарачарью, статус общности абсолютно недостижим для остальных. *Намбудури* выстроили вокруг себя огромное здание статусных маркеров, поддерживающих их исключительность. Здесь и «неприближаемость», и затворничество женщин, и иные способы подчеркнуть собственную исключительность. Так, в «браке-симбиозе» *наярок* и *намбудури* представлена подчеркнута санскритизированная модель семейных взаимоотношений. В такой семье дети, которые считаются, как и их мать, *наярками*, своего высокородного отца-*намбудури* почитают «как бога», гордятся им и слушаются во всех вопросах. Но в быту семья стал-

кивается со множеством ограничений. Ни дети, ни их мать не имеют права совместно с отцом принимать пищу и даже смотреть, как он ест. Не имеют права прикасаться к отцу днем — в период после его утреннего омовения и до самого вечера, когда после ужина он наконец может немного ослабить свои заботы о ритуальной чистоте. Полковник Унни Наяр, который родился в 1911 г., писал в автобиографии: «Если я прикасался к отцу днем, он должен был снова совершить омовение и поменять одежду. Отец разрешал к нему прикасаться, когда мы были одни — из большой любви к ребенку. Но если при этом присутствовал кто-то еще, он должен был строго следовать правилам, и детей укоряли — не за прикосновение к брахману, а за то, что не умеем себя вести» [цит. по: Mandelbaum 1970: 55–56]. И все-таки более чем вероятно, что в лице *намбудури*, считающихся одной из самых ритуально чистых брахманских *джати*, тщательно поддерживающей свой высший статус, мы наблюдаем добрахманическую группу жрецов этнокастовой общности *наяр*, которая в первые века н. э. санскритизировалась радикально и решительно, приняв в качестве средства идентификации (у брахманов это линия ритуала) эталонно «чистый» ведический ритуал *шраута*, который в ходе санскритизации утрачивал свое массовое значение под давлением добрахманических культов и связанных с ними содержательных и красивых ритуалов; он становился эксклюзивным. Дальновидный и мастерский выбор *намбудури* поставил данную категорию жрецов на верхний уровень брахманической культуры и иерархии. Вероятно, им повезло с проповедником, каким-нибудь безработным знатоком Вед и сложных (в вербальном сопровождении и многоступенчатом порядке действий) ритуалов. Может быть, это была целая группа проповедников, сумевших улестить воинственную общину *наяров*. *Намбудури*, естественно, не проводят храмовых служб — для этого у них есть жрецы-*пуджари* (*pūjāri*). Они не окормляют паству и не совершают для нее ритуалы. Но они освящают Кералу своим присутствием на ее земле. Иногда, по очень важным поводам, они проводят ведический ритуал. Один такой ритуал, *агничаяна* (*agnicayana*), длящийся двенадцать дней и ночей, они провели специально для знаменитого санскритолога Ф. Стаала в 1975 г., и он опубликовал свои наблюдения в нескольких книгах и статьях, в частности в книге «Правила без смысла» [Staal 1989].

Этнографы накопили множество фактов из жизни *наяров* и *намбудури* [Gough 1955; Yalman 1963; Fuller 1976; Puthenkalam 1977], и они очень показательные. Благодаря своей воинственности и «стопроцентной» гарантии от контроля со стороны других брахманов, которую обеспечили им высокостатусные *намбудури*, *наяры* сумели сохранить до наших дней свои добрахманические традиции во всей полноте. *Намбудури* и *наяры* официально рассматриваются как отдельные касты на основании своей патрилинейной и матрилинейной филиации соответственно. Я уже отмечала, что патрилинейный счет родства является одним из основных требований санскритизации и становится маркером высокого кастового статуса; повышающие свой статус общности переходят на патрилинейный счет родства из соображений престижа. Для крошечной по численности группы *намбудури* не составило сложности перейти к этому радикальному улучшителю статуса. В результате обычная для них кросскузенная модель брачных отношений превратилась в малопонятную исследователям «гипергамия-симбиоз» и «последствия военной контрибуции». Известно также, что в свободное от проведения ведических ритуалов время *намбудури* занимаются изучением астрологии, *шильпа-шастры* и иных брахманических наук, а также увлекаются до-санскритскими тантрическими практиками, магическими ритуалами и совершенствуются в традиционной медицине, знатоками которой они слывут; это доказательство их добрахманического жреческого статуса.

Курги (самоназвание *корага/корова* Kodagā/Koḍava). Это недавно воинственное племя лесных охотников и собирателей ныне считается «землевладельческой и воинской кастой»; практически все они владеют землей, и многие служат в армии. Они считают себя коренными жителями Курга, крошечного дистрикта в южной Карнатаке на стыке узкой приморской полосы западного побережья и восточных склонов Западных Гхат. Являются доминантной *джати*, которая имеет в Курге неоспариваемую политическую и экономическую власть. Государственность кургов существовала до появления англичан в 1834 г. и поддерживалась изоляционистскими мерами. Курги широко известны в антропологии Индии благодаря исследованиям М. Шриниваса, который описывает патрилинейность и патрилокальность кургов как знак особой мужественности и воинской доблести. Курги предстают

как высококультурная противоположность «женским» сообществам Юга. Характерный для кургов социальный строй также рассматривается в науке как черта высокой организованности воинского сообщества, в котором отрицательное женское влияние минимизировано. Но известно, что их язык, система терминов родства и брачные обычаи — общие с другими дравидскими.

Ядро традиционной социальной организации кургов — *окка* (*okka*), локализованный патрилинейный линидж, обладающий наследственным домом и землей. Индивидуальной собственности на землю не было, и даже сегодня кургские законы не позволяют делить землю, доставшуюся от предков. Продажа или передача наследственного имущества может быть только по согласию всех членов клана [Roopacha 1995: 40, 41].

На своих полях курги выращивают рис, кофе, кардамон, мандарины. До того как кофе стал основным товарным продуктом, им был рис. Как во всех рисосеющих земледельческих общинах, у кургов женщины выполняли основные работы по его выращиванию. И сегодня это делают кто победнее. С 1845 г., когда началось плантационное выращивание кофе и установилась протекционистская политика британских властей, на полях, которыми владели курги, стали работать наемные работники, прибывшие из других районов, а кургские женщины — для поддержания престижа и высокого статуса своих кшатрийских кланов — были посажены по домам.

Особенность кургов состоит в том, что они были санскритизированы не брахманами, а *лингаятами* (*Liṅgāyat*), сектой антикастовых монотеистических шиваитов. *Лингаяты* и поныне имеют большое влияние в общине кургов в отличие от брахманов. Это положение дел Дж. Хаттон описывал так: «Курги не хотят подчиняться иным религиозным авторитетам кроме своих» [Hutton 1946: 15–16]. Со временем в общине *лингаятов* кастовая организация возродилась (теперь это комплекс из нескольких иерархических *джати*), но в вероучении антибрахманская направленность очень заметна. Курги традиционно поддерживают тесные отношения с несколькими кастовыми группами, в которых прослеживаются сословные подразделения прежней добрахманической этнической общности: это невысокого уровня *паника* (*Paṅikā*), полунеприкасаемые *меда* (*Medā*) и «неприкасаемые» *полея* (*Poleyā*). *Паника* играют первостепенную роль в ритуалах почитания предков кургов, когда они выступают как оракулы от

имени духов предков. *Поля*, которые прежде были рабами кургов, помогавшими им в тяжелых работах, играют главную роль в некоторых праздниках, выступают как музыканты. В каждом селении кургов есть храм, посвященный племенному божеству; в нем проводятся праздники с воинственными ритуалами, пусканием крови. Эти черты и особенности своеобразной добрахманической культуры совсем не являются уникальными; сохранение добрахманического культа абсолютно характерно для этнокастовых общностей. Но правда и то, что именно курги как воинственное и свободолюбивое племя последовательно и стойко отстаивали свои традиции и свою культуру, так что стали классикой антибрахманизма.

В сегодняшней Индии сохраняются многочисленные так называемые племена *адиваси* («изначальные жители»), или *ваньяджати* («лесные люди»), остающиеся на периферии кастового общества. Это *ана тани* (Āra Tani), *ниши* (Nishi), *гаро* (Gāro), *куки* (Kuki), *мишми* (Mishmi), *лепча* (Lepchā), *раджи* (Rāji), *бхумиджа* (Bhūmijā), *гонд* (Goṇḍ), *хо* (Ho), *ораон* (Oṛāon), *мунда* (Mūṇḍā), *сантал* (Santhāl), *бхил* (Bhīl), *мина* (Mīnā), *рабару* (Rābarī), *тода* (Ṭoḍā), *бадага* (Badaga), *ирула* (Irula), *ченчу* (Chenchu), *кадар* (Kādār) и др. По данным переписи 2001 г., они составляют 8,08 % всего населения страны (67 758 380 чел.) [Индия сегодня 2005: 70]. Состав их неоднороден: есть крупные, развитые, получившие государственное самоопределение сообщества (*гонды* — 7.5 млн., *санталы* — 4.5 млн.; *мина* и *ораон* — порядка 2 млн. каждое) и маленькие, угасающие первобытные локальные общины, такие как насельники Андаманских островов: «великие» андаманцы — 42 человека и *онге* (Onge) — 97 человек. Государственные структуры выделяют в составе категории «племена» четыре группы: собственно племена обитают на своих территориях и ведут самобытный образ жизни; полуплемена переселились в удобные для земледелия районы, где стали наемными работниками и считаются уже «зарегистрированными кастами»; прошедшие аккультурацию племена перешли в пригороды мегаполисов и в города, работают в промышленности, прежде всего горнодобывающей; ассимилированные племена полностью поглощены в кастовое общество как касты этнического происхождения. Тех, кто за долгие века совсем не поддавался брахманической санскритизации, всего 74 — *кадар* Кералы, *бауга* (Bāiga)

Раджастхана, *бонда* (Bonda) Ориссы и др., и для этой группы, так называемых «зарегистрированных племен», характерны доземледельческий тип культуры жизнеобеспечения, особенно сложная демографическая ситуация, социальная изолированность. Все племена включены в программы так называемой «эмансипации», направленной на повышение уровня грамотности, общей культуры, приобретения профессии и улучшение условий жизни. Предполагается участие в выборах и выборных органах власти на местном уровне: для этого выделяются квоты. Сам процесс идет по типу небрахманической санскритизации.

В новое время санскритизацией занимались и не имеющие своей паствы брахманы, и Арья Самадж, и гандисты. Теперь занимаются нанятые государством и благотворительными организациями социальные работники. В этнографической литературе есть описания отдельных «эмансипируемых» сегодня племен. Обратим внимание на характерную ситуацию, исследованную Й. Бремано. «Зарегистрированное» племя *хальпати* (Halpati), прежде — *дубла* (Dublā) Гуджарата насчитывает около 1/3 млн. человек и расселено в плодородной равнине Южного Гуджарата (окрестности Броча и Сурата). Живя в одном из самых благодатных районов штата, они давно втянуты в орбиту жизни индуистов, но не имеют своей земли и до недавнего времени занимались тем, что обрабатывали чужие поля. Их специализация — работа с плугом, ритуально нечистое занятие, при котором наносятся раны земле; никто из кастовых индуистов делать эту работу не хочет. Она стала «врожденным жизненным предназначением» *хальпати*. Таков результат санскритизации *хальпати* по традиционной модели.

В Гуджарате обладающая часть племен сосредоточена в гористых районах на востоке, где они составляют до 80 % населения [Времан 1991: 399], сохраняют свой полунезависимый образ жизни и прочные традиционные социальные связи. Многие сумели воспользоваться государственными преференциями для племен, выучили своих детей, появилась образованная элита, и эти люди теперь продвигают всевозможные программы поддержки в своих общинах и районах. Они и сами активно участвуют в движении за «эмансипацию племен». *Хальпати* в этом процессе не участвуют: они уже не воспринимают себя как племя. Но их кастовые соседи не считают их «культурными» индуистами: полученный статус «зарегистрированных» говорит сам за себя

(каста ли, племя ли, во многих случаях это уже не имеет особого значения). При традиционной системе хозяйствования *хальпати* работали на полях землевладельческих каст *канби патидар* (Kānbī Pātidār) (составная, продвинувшаяся в иерархии доминирующая землевладельческая каста) и *анавиль брахман* (Anāvīl Brāhmaṇa) и теперь страдают от разрушения традиционной системы натурального обмена типа *джаджмани*, которая называется здесь *хали* (halī). Коммерциализация сельского хозяйства привела к тому, что больше нет взаимных обязательств, и традиционный способ так называемого «поддержания жизни», когда *хальпати* получали меру зерна каждый день и специальные дары зерном и иными товарами по случаю праздников, трансформировался в плату за поденный труд. Но возможности приложить свой труд практически нет. Гандисты уже несколько десятилетий активно продвигают свои программы по повышению уровня жизни и культуры «отсталых классов» населения и особенно активны на родине М. Ганди в Гуджарате. *Дубла* попали в гандистские программы социальных реформ, по наставлению социальных работников перестали заниматься «рабским батрачеством на чужих полях» и даже заменили свой этноним на титул *хальпати* (букв. «господин плуга»), придуманный теми же гандистами. Землевладельцы нашли себе новых батраков, а *дубла* остались не у дел. Так в 30-е гг. XX в. начался процесс социальной деградации и маргинализации *дубла*. Теперь мужчины *дубла-хальпати* занимаются отходничеством, уходят на солеварни Кача и кирпичные заводы, в сезон дождей возвращаются к семьям, но работы дома нет совсем. Наиболее близко стоявшие к ним в социальной иерархии *коли* (Kolī), *дходжиа*, *чаудхри* получили по государственным программам в собственность те земельные наделы, которые они прежде арендовали, и чувствуют себя ныне вполне уверенно. *Хальпати* «выпали» и из этих программ — ведь они некогда сами отказались от батрачества. Главная проблема, как выяснилось, состоит в том, что *хальпати* оказались буквально на обочине жизни: «*Хальпати* стали в обществе лишними» [Breman 1991: 403]. И это проявляется во всем. Например, в прошлом по обычаю хижины *хальпати* находились на земле тех хозяев, у которых они работали всю жизнь, и жили там, и охраняли, и работали. Но теперь во многих деревнях они живут все вместе в отдельных кварталах из лачуг, на участках земли, специально выделенных правительством (земли бросовые, других нет). И это выглядит как

поселение «неприкасаемых». Социальные связи рвутся окончательно. Общность пауперизуется и лишается остатков социальной защищенности, превращаясь в маргинальную «неприкасаемую». Даже дети не ходят в специально созданную школу, потому что обучение в ней «не дает аттестатов, с которыми можно было бы пойти учиться дальше или работать», говорит исследователь Й. Бреман. Он отмечает, что представители племени с ним «общались неохотно и иногда вовсе игнорировали. Не доверяют никому» [Bremam 1991: 406]. Некоторые надежды возлагались на представителей более успешных гуджаратских племен *дходжия* (Dhojīyā) и *чаудхри* (Chaudhrī), которые хорошо научились пользоваться программами помощи и могли бы втянуть в этот процесс *хальпати*. Но выясняется, что социальным работникам, выходящим из племен, они интересны лишь своей большой численностью, благодаря которой могли бы увеличиться выделяемые средства и объем помощи; сами *хальпати* по причине безграмотности и апатии не могут использовать никакие возможности. Конечно, никто из них даже не думал воспользоваться квотами в законодательное собрание и местные органы власти. Гандисты пытались учить *хальпати* ручному ткачеству, вязанию гирлянд, танцам, чтобы те могли заработать на пропитание этими умениями. Но это практически невозможно при кастовом строе — найти себе экономическую нишу там, где все давно и прочно занято профессионально специализированными клановыми общинами. И сами *хальпати* это прекрасно понимают. Только романтики-гандисты могут ориентировать касту на перспективы зарабатывать, танцуя на праздниках (хотя подобных каст немало и они как-то кормятся, статус их чрезвычайно низок). Йен Бреман делает вывод: «...вся работа с ними направлена на то, чтобы они стали правильными хорошими индустрами <...> Но никому не хотелось бы, чтобы они начали бороться за свои права» [Bremam 1991: 411]. Эта горестная история подтверждает: кастовая идеология и брахманические методы гармонизации социальных отношений и межэтнических проблем, вероятно, были адекватны своим условиям и своим обстоятельствам. Сейчас радикально изменились условия, но в умах людей кастовая идеология жива, она определяет почти все их реакции и действия: в описанном случае мы видим и парадигму санскритизации, и ожидание «взаимопомощи в жизни», и атомизацию общин. Это делает социальные проблемы, стоящие перед индийским правительством и обществом,

трудноразрешимыми, несмотря на огромные выделяемые средства и прилагаемые усилия. Более того, уже появляются клановые общины социальных работников, преподавателей школ и даже университетов, сосредоточившиеся на участии в программах эмансипации «отсталых классов», близко стоящие к этим востребованным местам государственной службы, гарантированной материальной помощи и правительственных грантов: на связанных с социальными программами рабочих местах концентрируются «профессионально специализированные клановые сегменты», и это начало формирования новых *джати*.

Таким образом, этнокастовые общности восходят к социально-стратифицированным этническим образованиям, имеют разный масштаб и уровень организации. Статус этнокастовой общности зависит от типа культуры жизнеобеспечения санскритизированного этноса и не коррелирует с профессиональной специализацией составляющих этнокастовую общность отдельных *джати*.